

УДК 947.084+9(С149)

ЦЕЛОВАЛЬНИКОВА Ирина Ивановна – к.и.н., доцент кафедры истории Ульяновского государственного педагогического университета (УлГПУ) им. И.Н. Ульянова (432700, Россия, г. Ульяновск, пл. 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, 4; celo-iri@yandex.ru)

ИЛЬЯЗОВА Рената Витальевна – аспирант кафедры истории УлГПУ им. И.Н. Ульянова; архивист I категории Государственного архива новейшей истории Ульяновской области (432063, Россия, г. Ульяновск, ул. Матростова, 16; rena.ilyazova@mail.ru)

РЕАЛИЗАЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В СФЕРЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В СССР В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг. (на примере Ульяновской губернии)

Аннотация. В статье анализируется развитие конфессиональной политики советского правительства в условиях свертывания нэпа и формирования сталинской модели политического управления и социально-экономических отношений. Противостояние религиозного сознания российского общества с утверждавшейся советским правительством марксистской идеологией нашло отражение в советском законодательстве. С 1918 до конца 1930-х гг. происходил постепенный отказ от принципа свободы вероисповедания. Особое внимание в статье уделяется исследованию законодательного оформления различных форм антирелигиозной работы советских и партийных органов на местах, начала репрессивных мероприятий в отношении духовенства. Авторы приходят к выводу, что переход к административному преследованию духовенства и силовому давлению на религиозные организации стал результатом общего изменения политического курса советского правительства в конце 1920-х годов и был вызван крайне низкой эффективностью конфессиональной политики предшествующего периода.

Ключевые слова: церковь, советская власть, духовенство, антирелигиозная пропаганда, репрессии против духовенства, конфессиональная политика советской власти, конституция, формы антирелигиозной работы

Середина 1920-х гг. стала переломным периодом в истории СССР. Основным содержанием периода стал процесс восстановления экономики, поиск путей и методов построения социализма. Формирование нового общественного сознания происходило в условиях противостояния коммунистической идеологии и религиозных догм. В 1930-х гг. произошли качественные изменения в отношениях государства и церкви. К концу 1920-х гг. был накоплен теоретический и практический опыт регулирования деятельности религиозных объединений, их отношений с государственными, общественными, хозяйственными структурами. Наиболее крупные и влиятельные религиозные организации провозгласили и реализовывали в своей деятельности курс политической лояльности к советской власти. Таким образом, сложившиеся условия требовали выработки всесоюзного законодательства о религиозных организациях.

Конституция 1918 г. закрепила принцип отделения церкви от государства и свободы антирелигиозной пропаганды. В ст. 13 гл. 2 Конституции подчеркивалось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами»¹.

В Конституции 1925 г., действовавшей вплоть до 1936 г., этот пункт о свободе всякой пропаганды остался неизменным и был нормативно закреплён в ст. 4. Однако после внесения ряда поправок сохранялась возможность ведения антирелигиозной пропаганды, и отменялось право граждан на религиозную пропаганду с заменой

¹ Конституция (Основной закон) СССР [1918 г.]. Доступ: <http://www.tarasei.narod.ru/konst1918.htm> (проверено 16.02.2013).

его «свободой вероисповеданий»¹. Таким образом, статья формально допускала возможность молиться, читать религиозные книги, участвовать в богослужении, исполнять религиозные обряды, но ограничивала и даже совсем запрещала ведение разговоров на религиозные темы, поскольку в общении могут присутствовать элементы пропаганды или агитации. Содержание церковных проповедей, произносимых во время богослужения, контролировалось [Синельников 2011: 39]. Такое постепенное наступление на церковь явилось следствием стремления руководства партии в середине 1920-х гг. к прямому следованию постулатам марксизма, утверждению марксистской идеологии в массах. А в теории К. Маркса и Ф. Энгельса важное место уделялось именно мысли о том, что искоренение религиозного мировоззрения не должно ограничиваться лишь административными запретами и «наскоками», оно должно происходить поступательно и с вовлечением в эту борьбу народных масс.

В связи с этим на места «спускались» директивные указания усовершенствовать работу по изучению антирелигиозной литературы, проводить читку художественных произведений в клубах, красных уголках, а также организовать «Уголки безбожников» в библиотеках².

В феврале 1929 г. в республиканские, краевые, областные, губернские и окружные партийные комитеты было разослано письмо за подписью секретаря ЦК ВКП(б) Л. Кагановича «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Составители письма обращались к характеристике политических позиций религиозных организаций и отнесли духовенство, активных рядовых верующих, органы церковного управления и религиозные организации к противникам социализма. Им были предъявлены обвинения в «мобилизации реакционных и малосознательных элементов» в целях «контр наступления на мероприятия советской власти и компартии».

В письме перед партийными, государственными, хозяйственными и общественными организациями ставились следующие задачи: решительно бороться с тенденцией религиозных издательств как к массовому распространению, так и к выходу в своей пропаганде за пределы строго религиозных вопросов; никоим образом не допускать нарушения религиозными объединениями советского законодательства; изъять из ведения духовенства школы, суды, регистрацию гражданских актов; использовать органы ЗАГС в целях борьбы с «поповщиной», церковными обрядами и пережитками старого быта; овладеть вегетарианскими столовыми и другими кооперативными объединениями, созданными религиозными организациями; создать новые кустарные промыслы в районах изготовления предметов религиозного культа; изучить практику хозяйственного обслуживания религиозных праздников, а тем организациям, которые используют труд сектантов, трудармейцев, отчислять средства на ведение политпросветработы, обратив внимание Союза безбожников и Политпросвета на необходимость постановки среди них антирелигиозной работы [Одинцов 1991: 36].

Данное письмо развязало руки местным партийным работникам, санкционируя «силовое» давление на религиозные организации. Высказывания о контрреволюционном характере религии и ассоциирование религиозных организаций с контрреволюционными сохранялись, несмотря на заявления руководителей религиозных организаций о лояльности к советской власти.

Действительно, если обратиться к личным делам осужденных духовников, то можно увидеть, что все чаще и чаще фигурируют следующие обвинения: утаивание излишков хлеба, антисоветская деятельность, распространение религиозно-контрреволюционной пропаганды и т.д.

8 апреля 1929 г. Президиум ВЦИК принимает постановление «О религиозных объединениях», законодательно закрепившее мнение о том, что религиозные общества не вправе заниматься какой-либо деятельностью, кроме как удовлетворением религиозных потребностей верующих, и преимущественно в рамках молитвенного здания. Таким образом, религиозные общества превращались в «резервации» для

¹ Конституция (Основной закон) СССР [1925 г.]. Доступ: <http://dslov.narod.ru/txt/t4.htm> (проверено 16.02.2013).

² Государственный архив новейшей истории Ульяновской области. Ф.7. Оп.1. Д. 1349, Л.109.

исповедующих те или иные религиозные убеждения. Одновременно деятельность их обставлялась множеством ограничительных и жестко регламентирующих условий: запрещалось создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей; оказывать материальную поддержку своим членам; организовывать как специальные (детские, юношеские, женские, молитвенные и др.), так и общие (библейские, литературные, рукодельческие, трудовые, по обучению религии) собрания; устраивать экскурсии и детские площадки; открывать библиотеки и читальни; организовать санатории и лечебную помощь [Русская православная... 1995: 292].

При строгом соблюдении этих законов церковь явно не смогла бы выжить, по крайней мере экономически. Так, например, в том же законодательстве было указано, что, поскольку церковь не является юридическим лицом, договоры о ремонте церковного помещения могут заключаться только отдельными членами церковных органов, а не всем приходом, поэтому они рассматривались как частные коммерческие сделки. Как таковые они облагались чрезмерным налогом, как и все частные предприятия в то время. Для того чтобы выжить, церковным органам приходилось обходить эти законы и жить в постоянном страхе, что их уличат в незаконных действиях. Таким образом, подчинение церкви государству было достигнуто путем административных мер [Поспеловский 1995: 291].

Закрытие и уничтожению храмов способствовала также государственная перерегистрация, объявленная постановлением ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г., а также высокие ставки страховых сборов на здания храмов, невнесение которых исполнительными церковными органами могло привести и часто приводило к расторжению договоров на пользование церковными зданиями. Пользуясь тем, что приходы не могли внести означенные суммы налогов, сельские советы сразу же ставили вопрос перед вышестоящими инстанциями о закрытии храмов и снятии с регистрации служащего в этих церквях духовенства. Если же церковные советы или священники обращались за помощью в сборе денег к верующим, то таковые действия «церковников» сразу же квалифицировались как незаконные поборы с населения, что служило мотивом к возбуждению уголовного преследования «провинившихся».

С конца 1929 по осень 1930 г. были сняты колокола почти со всех ульяновских церквей [Скала 2007: 194]. Массовое снятие колоколов с церквей имело место и по всей епархии. В закрытых храмах размещали производственные цеха, склады, квартиры, клубы, архивы [Цыпин 2010: 161], а монастыри отводились под тюрьмы и колонии. Например, в женском Спасском монастыре после того, как монахини были выселены из своих келий, был организован концентрационный лагерь [Чуканов 1997: 5].

В Конституции 1936 г., утвержденной Чрезвычайным VIII съездом Советов СССР 5 декабря 1936 г., в ст. 124 гл. X «Основные права и обязанности граждан» уже говорилось о свободе отправления культов и свободе антирелигиозной пропаганды, признаваемой за всеми гражданами¹. Таким образом, в формулировках конституционной нормы прослеживается изменение — от «свободы религиозной пропаганды» в 1918 г. к «свободе религиозных исповеданий» в 1929 г. и, наконец, к «свободе отправления религиозных культов».

Из изложенного выше может быть сделан вывод о возрастающем притеснении религиозных организаций на законодательном уровне. Характер взаимоотношений церкви и государства оставался неизменным и в период относительного ослабления государственного вмешательства в экономику и общественные отношения в период нэпа, и в период ужесточения тоталитарного режима в 1930-е гг. И церковь, и советское государство боролись за влияние на умы советских людей; без вытеснения религиозного сознания невозможно было утверждение советской идеологии в обществе.

Переход к более решительным репрессивным мерам в 1930-х гг. доказывает тот

¹ Конституция (Основной закон) СССР [1936 г.]. Доступ: <http://www.tarasei.narod.ru/konst1936.htm> (проверено 16.02.2013).

факт, что идеология марксизма оказалась неконкурентоспособной на поле боя за сознание населения. Тогда было решено бороться против самих распространителей религиозного мировоззрения, а не логичными доводами объяснять населению «абсурдность и несостоятельность» религиозных догм. Местные органы власти же старались выполнять, а порой и перевыполнять указания, идущие от вышестоящих органов. Поэтому наиболее используемыми были административные меры: налоговые сборы, репрессии, закрытие церквей и храмов, изъятие церковного имущества.

Тем не менее устойчивость религиозного мировоззрения оставалась очень высокой среди населения Ульяновской губернии (округа), что можно объяснить недостаточностью именно разъяснительной, агитационной работы среди различных социальных групп и чрезмерно грубым насаждением новых идей.

Список литературы

Одинцов М.И. 1991. *Государство и церковь: история взаимоотношений. 1917–1938 гг.* М.: Знание. 64 с.

Поспеловский Д.В. 1995. *Русская православная церковь в XX веке.* М.: Республика. 511 с.

Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью (сост. Г. Штриккер). 1995. М.: Пропилей. 400 с.

Синельников С.П. 2011. Советское законодательство о религиозной пропаганде (1918–1930-е гг.). – *История государства и права.* № 22. С. 38–42.

Скала А. 2007. *Церковь в узлах: история Симбирской-Ульяновской епархии в советский период (1917–1991 гг.).* Ульяновск: Дом печати. 968 с.

Цыпин В. 2010. *История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды (1700–2005).* М.: Изд-во Сретенского монастыря. 839 с.

Чуканов И.А. 1997. Симбирские концентрационные лагеря. – *Симбирский курьер.* № 79.

TSELOVALNIKOVA Irina Ivanovna, *Cand.Sci.(Hist.), Associate Professor of the Chair of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov (Stolyetiya Lenina sq., 4, Ulyanovsk, Russia, 432700; celo-iri@yandex.ru)*

IL'JAZOVA Renata Vital'evna, *postgraduate of the Chair of History, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov; 1st category archivist of the State Archive of Contemporary History of the Ulyanovsk region (Matrossov str., 16, Ulyanovsk, Russia, 432063; rena.ilyazova@mail.ru)*

THE IMPLEMENTATION OF NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE SPHERE OF ANTI-RELIGIOUS POLICY IN THE SOVIET UNION IN THE LATE 1920s AND 1930s

(on the example of the Ulyanovsk province)

Abstract. The development of the Soviet government's religious policy in conditions of NEP collapse and formation of the Stalinist model of political governance and socio-economic relations is analyzed in the article. The opposition of the of Russian society's religious consciousness and Marxist ideology, which was established by the Soviet government, was reflected in Soviet legislation. From 1918 till the end of the 1930s there was a gradual abandonment of the religious freedom principle. Special attention is paid to the study of the legislation of the various antireligious forms of activity of Soviet and party governing institutions on the ground, and of the beginning of repressive measures against the clergy. The authors conclude that transition to administrative harassment of clergy and force pressure on the religious organization was the result of general changes in the political course of the Soviet government in the late 1920s and was caused by the extremely low efficiency of religious policy of the preceding period.

Keywords: church, Soviet government, clergy, antireligious propaganda, repression against clergy, religious policy of Soviet government, Constitution, forms of antireligious work